



Владимир Алпатов

Япония: язык и культура

«Языки Славянской Культуры»

2008

Алпатов В. М.

Япония: язык и культура / В. М. Алпатов — «Языки Славянской Культуры», 2008

Первостепенным компонентом культуры каждого народа является языковая культура, в которую входят использование языка в тех или иных сферах жизни теми или иными людьми, особенности воззрений на язык, языковые картины мира и др. В книге рассмотрены различные аспекты языковой культуры Японии последних десятилетий. Дается также критический анализ японских работ по соответствующей тематике. Особо рассмотрены, в частности, проблемы роли английского языка в Японии и заимствований из этого языка, форм вежливости, особенностей женской речи в Японии, иероглифов и других видов японской письменности. Книга продолжает серию исследований В. М. Алпатова, начатую монографией «Япония: язык и общество» (1988), но в ней отражены изменения недавнего времени, например, связанные с компьютеризацией. Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

© Алпатов В. М., 2008

© Языки Славянской Культуры, 2008

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1	8
1.1. Происхождение японского языка	9
1.2. Эпоха китайского влияния	12
1.3. Эпоха американского и европейского влияния	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Михайлович Алпатов

Япония: язык и культура

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследователи культуры далеко не всегда принимают во внимание такой ее важнейший компонент как язык. Нередко считается, что язык—лишь оболочка, в которую заключаются те или иные мысли и идеи, а для культуролога—вспомогательное средство для познания культуры. Но еще почти два столетия назад великий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт 1984: 48]. В XX в. о языке как важнейшей составной части культуры писали такие крупнейшие ученые, как Э. Сепир и Н.С. Трубецкой. Указывают на это и японские ученые [Naga 2004: 12]. И первостепенным компонентом культуры каждого народа является языковая культура, в которую входят использование языка в тех или иных сферах жизни теми или иными людьми, особенности воззрений на язык, языковые картины мира и др. Сейчас эта проблематика активно изучается в науке разных стран, включая Россию.

Вопрос о языковой культуре Японии одновременно и разработан, и не разработан. В самой Японии о ряде ее аспектов (несходство японской и западной языковой культуры, японская картина мира, роль иероглифической письменности в жизни японцев, специфика форм вежливости, особенности женской речи и др.) пишут очень много. У нас и в западных странах о них также существует немало публикаций. Однако надо учитывать две проблемы. Во-первых, как правило, разные стороны японской языковой культуры рассматриваются по отдельности, независимо друг от друга, работ обобщающего характера немного, а у нас в японистике после Н. И. Конрада, Н. А. Невского и других первооткрывателей возобладала узкая специализация. Во-вторых, что самое важное, очень многое из того, что сейчас публикуется, требует критического к себе отношения; особенно это относится к японским работам. В них нередко авторы исходят из априорных тезисов, например, о японской исключительности, о превосходстве японской культуры над западной. Они могут в большей степени служить материалом для изучения японских стереотипов массового сознания, чем собственно научной базой. Однако даже в худших публикациях такого рода к априорным тезисам подгоняются факты, сами по себе интересные и требующие внимания и объяснения. За пределами Японии, в том числе в России, довольно часто к этим публикациям относятся некритически, принимая на веру спорные высказывания. Поэтому нам представляется необходимым, помимо рассмотрения собственно лингвокультурологических вопросов, дать критический обзор публикаций, прежде всего, японских, по нашей тематике.

Книга затрагивает ряд вопросов, которые мы рассматривали в книге «Япония: язык и общество», публиковавшейся двумя изданиями в 1988 и 2003 гг. (роль диалектов, заимствования из английского языка, формы вежливости, иероглифы и др.). Мы старались по возможности избегать пересечения проблематики и повторения примеров, хотя совсем обойтись без этого невозможно. Но, во-первых, многие проблемы (воззрения японцев на язык, языковой аспект японского национализма, языковые картины мира и др.) мы систематически рассматриваем только в этой книге. Во-вторых, и пересекающиеся проблемы мы анализируем в ином аспекте: в той книге нас интересовала роль языковых процессов в социальной жизни Японии, здесь мы изучаем эти процессы в культурном плане, хотя, разумеется, глухой стены между данными аспектами нет. В-третьих, книга «Япония: язык и общество» была в основном адресована специалистам (профессионально занимающимся Японией, а также социолингвистам). А

эту книгу мы хотим адресовать и более широкому кругу людей, интересующихся Японией, но не всегда владеющих достаточной информацией. Японская культура привлекает у нас большое внимание, но с ее восприятием связано немало мифов. Некоторые из них восходят к мифам, создаваемым в самой Японии; другие мифы возникают из-за того, что мы часто видим в чужой культуре лишь то, что сами хотим видеть. Нам хотелось бы как-то принять участие в борьбе с некоторыми ходячими мифами.

И еще одно различие двух наших книг связано с временной дистанцией: книга «Япония: язык и общество» писалась более двух десятилетий назад. Мы не отказываемся ни от одного из ее существенных положений, но она отражала (при отдельных экскурсах в более ранние эпохи) ситуацию середины 80-х гг. XX века. Безусловно, в последние примерно полвека в Японии не наблюдалось значительных социальных перемен, культурная ситуация также сравнительно стабильна, поэтому многое из того, о чем мы писали в 80-е годы, сохранилось и сейчас. Но мы не можем не фиксировать и изменения недавнего времени, например, связанные с компьютеризацией, в 80-е гг. только начинавшейся, с попытками усилить роль английского языка, с изменением положения женщин. Прежде всего, книга посвящена японской языковой культуре последних пятидесяти лет, и основной акцент в ней сделан на современность. Однако, еще в большей степени, чем в прежней книге, мы должны учитывать и общие свойства японского общества и японской культуры, свойственные разным историческим эпохам. В начале книги мы даем историческую главу, где выявляем некоторые константы японской языковой культуры и особенности ее формирования и развития, а в других главах иногда делаются экскурсы в прошлое.

Мы отдаем себе отчет в том, что лингвокультурология пока что не выработала научных методов для решения большей части своих проблем. Дело не в количестве фактов: их очень много, и мы не можем претендовать на полный их охват. Однако строгих критериев отбора и классификации фактов пока нет, что и открывает возможности для мифотворчества и ненаучных спекуляций. Во многом приходится часто руководствоваться так называемым здравым смыслом. Но нам представляется, что данные проблемы очень актуальны, и если ими не заниматься, то место пусть нестрогих, но стремящихся к объективности исследований может занять откровенно ненаучная продукция.

Данную книгу не следует рассматривать как исследование по строю японского языка. Конкретные языковые примеры, иногда с необходимыми для неспециалиста объяснениями, будут даваться, прежде всего, как иллюстративный материал. Для тех, кто хочет более подробно познакомиться с теми или иными грамматическими или лексическими явлениями японского языка, в книге даются отсылки к наиболее важным из существующих публикаций по той или иной конкретной тематике. Для первичного знакомства со строем японского языка можем рекомендовать книги [Shibatani 1990; Iwasaki 2002; Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008].

В книге не ставится задача систематического сопоставления японского языка с русским или языковых процессов в Японии и в нашей стране. Однако совсем избегать такого рода сравнений было бы слишком жестким ограничением, иногда те или иные аналогии или контрасты слишком очевидны. Сейчас многие публикации в Японии и вне ее посвящены сопоставлению японского языка с английским и сравнению языковых и/или культурных ситуаций в Японии и в западных странах, эти вопросы также иногда затрагиваются в нашей книге.

Материал книги в значительной части был собран во время командировок в Японию в 1997, 2001 и 2007 годах, осуществленных благодаря соглашениям о сотрудничестве между Институтом востоковедения РАН и университетами Кэйо и Хосэй в Токио.

Ряд разделов книги ранее печатался в виде статей, список их приводится в ее конце. Некоторые из статей при включении в книгу подверглись переработке.

Японские примеры и большая часть японских лингвистических терминов даются в стандартной латинской (хэпбёрновской) транскрипции. Эта транскрипция обладает большим числом недостатков (см. главу 9), но сейчас она наиболее распространена в мире, с чем приходится считаться. Долгота гласных, допускающая в данной транскрипции несколько вариантов обозначения, передается удвоением гласной буквы. Но если то или иное японское слово уже вошло в русский язык, то оно пишется в книге кириллицей в соответствии с принятым написанием, в том числе без передачи долготы гласных в оригинале. Японские антропонимы в соответствии с принятыми в нашей японистике правилами даются в порядке японского языка: фамилия + имя.

Автор благодарит А. В. Костыркина, **Е. В. Маевского**, А. С. Панину и З. М. Шаляпину за высказанные замечания и Е. Л. Катасонову за содействие в сборе материала для книги.

Глава 1

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В данной главе мы кратко рассмотрим основные этапы развития японского языка в связи с развитием японской культуры.

1.1. Происхождение японского языка

Мы знаем, что различные языки относятся к различным языковым группам и семьям. Общеизвестно, что русский язык – славянский, английский – германский, а татарский – тюркский; про русский и английский также известно, что они вместе с другими славянскими и германскими языками входят в большую индоевропейскую языковую семью, куда тюркские языки не относятся. Родство языков не всегда означает культурную близость, не всегда верно и обратное: скажем, венгры при значительных языковых различиях по культуре гораздо ближе к соседним славянским и германским народам, чем к ближайшим языковым родственникам – ханты и манси на севере Западной Сибири. Но всё-таки родство языков и близость культур совпадают очень часто: и славянские, и германские, и тюркские народы имеют немало культурных сходств.

А с родственными связями японского языка до сих пор не всё ясно. Например, в новом, но до сих пор благодаря своим высоким качествам используемом в наших вузах учебнике А. А. Реформатского «Введение в языковедение» дана классификация языков по семьям и группам. Здесь под номером 20 дается класс «Отдельные языки Дальнего Востока, не входящие ни в какие группы» [Реформатский 1967: 434]. Здесь перечислены японский, корейский, айнский языки, а также «*рюкюский*, очевидно, родственный японскому» (к вопросу о статусе языковых образований на островах Рюкю мы обратимся в главе 5). Во всей книге только эти языки прямо названы не входящими ни в какие группы. Правда, на деле А. А. Реформатский наряду с установленными семьями включает в классификацию и объединения языков по географическому признаку: «Языки Северной Америки» (имеются в виду индейские), «Австралийские языки» (аборигенов) и др., но там речь идет о недостаточно известных и изученных языках. Японский же язык не может ставиться с этими языками в один ряд ни по числу носителей, ни по экономическому, политическому и культурному значению, ни по уровню изученности. Кроме того, установление родственных связей языков обычно тем легче, чем на большее время можно проследить их историю по письменным памятникам, поэтому часто оно затруднено для семей и групп, целиком состоящих из бесписьменных и младописьменных языков. Но японский язык по письменным памятникам известен с VIII в. н. э., то есть первые тексты этого языка на два столетия старше древнейших известных нам славянских памятников. И всё равно родственные связи японского языка до сих пор вызывают споры, хотя сейчас ситуация стала яснее, чем она была в годы, когда создавался учебник А. А. Реформатского.

По современным представлениям, на Японских островах издавна (не позже I тысячелетия до н. э.) жили аборигены (так называемая культура Дзёмон), чей язык был австронезийским, родственным языкам современных Индонезии и Филиппин; ближе всего он был, по-видимому, к ныне почти исчезнувшему языку аборигенов Тайваня. Однако эти люди жили лишь на Рюкю, Кюсю, Сикоку и в западной части Хонсю, а восточнее на Хонсю и на Хоккайдо жили айны, народ загадочного происхождения, антропологически отличный от всех исторически известных соседей, с языком, родственные связи которого до сих пор не установлены. Точная граница между территориями раннего расселения австронезийцев и айнов на Хонсю не установлена. В первые века новой эры с материка вторглись алтайские племена (кочевники, перешедшие после переселения к оседлости). Японский этнос образовался от смешения этих народов.

Однако они внесли разный вклад в образовавшуюся в начале новой эры японскую культуру и в тогда же сформировавшийся японский язык. Айны, охотники и рыбаки, не знавшие земледелия, были частично ассимилированы, частично оттеснены в северную часть Японии (о дальнейшей судьбе айнов и их языка будет сказано в шестой главе). Вклад айнов в японский язык (как и в японскую культуру в целом) невелик, и его можно сопоставить с индейским ком-

понентом в американском варианте современного английского языка. Айнский пласт лексики значителен в топонимике: не только топонимика Хоккайдо почти целиком происходит из айнского языка, но и название знаменитой горы *Фудзи* некоторые ученые выводят оттуда. Но в остальной лексике айных по происхождению слов очень мало; самое, пожалуй, известное из них (не считая самого названия народа *ainu*) – *ottosei* 'морской котик'.

А австронезийские и алтайские параллели со многими словами древнеяпонского языка несомненны. Вопрос, однако, в том, какой из двух слоев исконен, а какой следует считать результатом древних заимствований. Обе точки зрения существовали. Гипотезу о связи японского языка с алтайскими (тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и, возможно, корейским) впервые выдвинул А. Боллер еще в середине XIX века. Гипотеза о его связи с австронезийскими языками была впервые сформулирована крупнейшим отечественным ученым Е. Д. Поливановым в 10-е гг. XX в. Существует и концепция, согласно которой японский язык – смешанный алтайско-австронезийский, ее отстаивал самый крупный из японских специалистов по сравнительно-историческому языкознанию Мураяма Ситиро (1908–1995). Однако большинство специалистов в принципе отрицают существование смешанных языков и считают, что каждый язык принадлежит только к одной семье и одной группе, и эта принадлежность не может измениться.

И лишь недавно выдающийся отечественный ученый Сергей Анатольевич Старостин (1953–2005) подтвердил на обширном языковом материале выдвинутую еще в XIX веке гипотезу о его родстве с алтайскими языками, включая корейский [Старостин 1991]; см. также фундаментальный алтайский словарь [Starostin, Dybo, Mudrak 2003], включающий и японский материал. Основная лексика во вновь образовавшемся языке осталась алтайской (почему и можно говорить, что японский язык – алтайский), но очень изменилась, алтайской осталась и грамматика, агглютинативная в своей основе, фонетический же строй более сходен с австронезийскими языками. По-видимому, потомки аборигенов – австронезийцев, сменив язык, не усвоили алтайскую фонетику, в результате чего фонетическая система значительно упростилась по сравнению с другими алтайскими языками: почти отсутствуют закрытые слоги и стечения согласных, постепенно исчезло характерное для алтайских языков явление сингармонизма (гармонии гласных). С.А. Старостин и российские ученые его школы значительно продвинули вперед доказательство японо-алтайского родства. Но и сейчас это родство признано не всеми, особенно за рубежом, см. [Алпатов 2007].

Но такое родство – очень дальнее: по данным С. А. Старостина, предок японского языка отделился от предков остальных алтайских языков раньше, чем разделились разные ветви индоевропейской семьи. Даже корейский язык, по-видимому, генетически ближайший к японскому из ныне существующих языков, находится дальше от него, чем, скажем, русский, английский и хинди друг от друга. Ни один из столь крупных, социально значимых и имеющих столь долгую письменную традицию языков мира не обособлен так, как японский. Эта черта, как мы увидим в следующей главе, сильно повлияла на языковые представления японцев.

Контакты между алтайской и австронезийской культурами завершились еще в первом тысячелетии н. э. стадией полного слияния. А в языке австронезийские по происхождению слова и морфемы (за пределами базовой лексики их немало) не имеют фонетических или семантических отличий от алтайских. Не только обычные носители языка, но и профессиональные лингвисты не знают происхождения тех или иных слов (нередко в Японии и сейчас в ходу народные этимологии). Их могут различить лишь редкие компаративисты – японисты (в Японии при общем значительном развитии науки о языке сравнительно-историческое языкознание за сто с лишним лет продвинулось довольно мало), но и среди них нередко нет единства. В Японии с давних пор принято объединять оба слоя лексики и древнейшие дописанные заимствования (в основном из корейского и китайского языков) в единый класс *wagp*, что

буквально означает «японские слова». Они противопоставлены двум позднее появившимся классам лексики, о которых будет сказано ниже.

Дальнейшая история Японии имела ряд особенностей, повлиявших на языковое сознание в стране. Сформировавшийся в первые века новой эры японский этнос продолжал жить на той же территории без значительных ее изменений. Исключение составляла лишь постепенная экспансия на север за счет айнов, продолжавшаяся вплоть до XIX в. (лишь тогда была заселена большая часть Хоккайдо). Особая ситуация также наблюдалась на островах Рюкю, но эта территория всегда была периферией. Вплоть до XIX в. не было японской экспансии на континент, а до середины XX в. – вторжения на острова извне (если не считать двух неудачных попыток со стороны монголов в 1274 и 1281 г.). Как отмечают исследователи (см., например, [Gottlieb 2005: 18]), в Японии, в отличие от других азиатских стран, никогда не стояла проблема защиты своего языка от колонизаторов. Японский язык безраздельно господствует в Японии на протяжении почти двух тысячелетий. Первичные австронезийские и алтайские языки исчезли, айнский язык был оттеснен на далекую периферию, а иммигрантских общин до XX в. не существовало. Это, однако, никогда не означало однородности использовавшихся в Японии языковых образований. Наоборот, диалектные различия всегда там были значительными, о чём мы будем говорить в пятой главе. Но отличие языка от диалекта в большинстве случаев определяется не объективными языковыми различиями, а субъективным этническим сознанием (при наличии литературной нормы также границами ее распространения). И все имевшиеся на Японских островах (исключение – отчасти Рюкю) языковые образования всегда рассматривались как варианты японского языка (с позднего средневековья установился термин *hoogen*, буквально *сторонний язык*, который в период европеизации стал считаться эквивалентом термина *диалект*). А разные виды нормированного языка, употреблявшиеся в Японии, никогда до конца XIX в. не использовались за ее пределами. Этим японский язык в том или ином варианте всегда отличался от таких языков как латинский, греческий, церковнославянский, санскрит, классический арабский, китайский вэньянь, обслуживавших целые культурные ареалы, населенные разными этносами.

Однако японский язык существовал не в культурной изоляции. Определяющим для его развития на длительный период (более тысячелетия) стало влияние китайского языка, связанное с общим культурным влиянием Китая на Японию.

1.2. Эпоха китайского влияния

У японцев не было письменности до знакомства с китайской иероглификой. Первое появление китайских письмен в Японии относят к!в. н. э., а древнейший сохранившийся иероглиф, написанный японцем, – к ГУв. К тому времени, очевидно, уже были японцы, умевшие писать по-китайски. Однако собственно японские памятники в небольшом количестве фиксируются лишь для VII в., а первый памятник крупного размера – «Кодзики» появился в начале VIII в. (общепринятая дата 712 г.). К этому времени освоение китайской письменности в Японии в основном завершилось. Вместе с иероглифами в язык вошли и их чтения, подвергшиеся фонетическим преобразованиям. Образовался, а затем значительно развился слой китайской по происхождению лексики, именуемый *kangyō*, буквально «китайские слова».

В течение VIII в. появляется уже несколько крупнейших памятников, причем сразу в разных жанрах. Создаются многотомные исторические хроники – «Кодзики» и «Нихон-сёки» (включающие также, особенно первый из них, мифологию и фольклор), географические и одновременно деловые сочинения – земельные описи «Фудоки», синтоистские молитвословия «Норито» и, наконец, поэтическая антология «Манъёсю», включившая в себя 4516 стихотворений. Художественная литература того времени ещё была только поэтической, опираясь здесь на традиции бесписьменной эпохи. Ни драматургии, ни прозы в обычном смысле ещё не было (хотя «Кодзики» включает в себя легенды и сказки).

В это время письменность в Японии была чисто иероглифической. Поэтому для большинства памятников (кроме «Манъёсю») нелегко решается вопрос о том, на каком языке они написаны. Например, в отношении «Кодзики» разброс мнений исследователей очень велик: одни считают его памятником китайского языка, другие – памятником японского языка, третьи относят его к некоторому промежуточному образованию, четвертые выделяют разные языковые слои [Черевко 2004: 14–18]. Современный исследователь приходит к выводу: «Текст «Кодзики» воплощает в себе особенности двух языков, записанных иероглифами, – японского и китайского, имеющих разную структуру» [Черевко 2004: 57].

Освоение китайской письменности и лексики было частью общего культурного влияния Китая на Японию. Важно учитывать, что политически Япония никогда не подчинялась Китаю, а решающим фактором культурного процесса было не давление извне, а желание самих японцев взять от китайской культуры то, что им было нужно. Как дальше мы увидим, внутренние, а не внешние факторы определяли соотношение исконного и заимствованного в японской культуре и позже. И ещё одна важная особенность влияния китайского языка на японский: его письменный характер. В любую историческую эпоху знание китайского языка в Японии было знанием письменного языка, а говорить по-китайски не мог практически никто. Никогда не было значительного японско-китайского двуязычия [Loveday 1996: 213]. Поэтому даже тексты, созданные в Китае, читаться вслух могли лишь по-японски, а попытки японцев писать по-китайски неизбежно связывались с языковой интерференцией. Освоение китайской культуры, включая языковую культуру, шло через книгу, а не через человеческое общение.

В течение VIII в. боролись две тенденции: писать на китайском языке и приспособить заимствованную письменность к своему языку. Две тенденции распределялись жанрово: на одном полюсе оказывалась максимально китаизированная по языку хроника «Нихон-сёки», писавшаяся по образцу китайских хроник. Японские авторы таких сочинений думали, что пишут на китайском языке, на деле это было не совсем так. На другом полюсе находился первый крупный литературный памятник – «Манъёсю», в котором большинство стихов сочинено по-японски, а для их записи использовали иероглифы, подобранные фонетически (так называемая манъёгана). Фрагменты такого рода записи встречаются и в других памятниках. Манъёгана – первый этап преобразования китайских иероглифов в японское фонетическое письмо

– кану. Дальнейшая стандартизация и упрощение начертаний фонетических знаков шли ещё более столетия и привели к формированию в начале X в. двух основных видов каны – хираганы и катаканы, используемых до наших дней.

Если в VIII в. могли появляться памятники, в которых сосуществовали японский и японизированный китайский языки, то с IX–X вв. эти два языка окончательно разделились по функциям. Сформировались *камбун* и *вабун* (буквально соответственно 'китайское письмо' и 'японское письмо'). Их различие было одним из проявлений различия двух сосуществовавших в Японии культурных парадигм. Эталоном высокой культуры считался Китай, при этом период активных связей с Китаем закончился довольно быстро, а освоение китайской культуры шло лишь через книгу. Тексты на камбуне, как и предшествовавшие им тексты, отличались от собственно китайских: помимо особенностей, связанных с интерференцией, они отличались тем, что снабжались специальными знаками, позволявшими их читать по-японски. Непременным атрибутом камбуна были значки, указывавшие на добавление японских грамматических элементов, не имеющих параллелей в китайском языке, и на изменение порядка слов, сильно различающегося в двух языках. Камбун активно использовался на протяжении тысячелетия (с IX по XIX вв.) и структурно мало менялся, хотя могли меняться его жанровые характеристики. Всё это время составлялись иероглифические словари, рассчитанные именно на чтение камбуна, а не собственно китайских текстов [Suzuki 1993: 83]. Камбун в течение всего длительного периода своего существования был составной частью японской культуры, а не внешним явлением.

В эпоху Хэйан (IX–XII вв.) две культурные парадигмы распределялись, прежде всего, с точки зрения разграничения высокого и низкого. Такое разграничение не во всём совпадало с тем, к чему мы привыкли. Если в России издавна канцелярские тексты считались скорее низкими (в XVI–XVII вв. «приказный язык» отличался от господствовавшего в высоких сферах церковно-славянского языка, а в близкое нам время образованные люди презирали «канцелярит», по выражению К. Чуковского), то в Японии жанры императорских эдиктов и деловой переписки всегда относились к высоким. Здесь господствовал камбун, как и в сфере науки. А вот традиция поэзии на камбуне не получила значительного развития.

Вся сфера художественного творчества (с конца IX в. включавшая и прозу) считалась легким занятием, развлечением. Именно поэтому в нее были допущены женщины, ставшие авторами самых значительных прозаических произведений X–XI вв. («Повесть о Гэндзи», «Записки у изголовья», известные и у нас), немало было и женщин-поэтов. Уже тогда проявлялись значительные различия между мужской и женской речью, существующие в Японии даже сейчас. Во всех художественных жанрах господствовал *вабун*, тексты писались на чистой или почти чистой кане (для женщин считалось неприличным знать иероглифы), в лексике господствовали исконные слова (*ваго*) при очень небольшом числе заимствований из китайского языка (*канго*). Язык таких сочинений уже отличался от разговорного языка эпохи Хэйан, но полного расхождения (которое требовало бы, например, специального обучения *вабуну*) не было.

С XIII в. литература на *вабуне* (переставшая быть женской) значительно изменилась, в ней всё большее место занимали *канго*. Как писал Н. И. Конрад, в это время «идет упадок чисто японского языка: китаизмы внедряются в него всё глубже и глубже; значительно меняется самый строй речи, меняется и лексика; постепенно происходит слияние, взаимное приспособление двух языковых стихий, китайской и японской друг к другу. В результате мы получаем так называемый *канва-тёва-тай*, т. е. китайский и японский язык в их гармоническом сочетании. Этот язык в свое время также превратился в прекрасное орудие словесного искусства и дал целый ряд совершенных образцов художественной литературы, но только уже иного стилистического типа» [Конрад 1974: 237]. *Вабун* превращается в *бунго* – письменный по преимуществу язык культуры, значительно отличавшийся от разговорных диалектов. Этот язык был

жанрово разнообразен: помимо прозы и поэзии появилась драматургия, а буддийская литература стала сочиняться и на бунго наряду с камбуном. На бунго в основном писали, но было возможно и его устное функционирование: в театре, в богослужении, тогда как камбун мог быть только письменным языком. Если же возникала потребность тексты на камбуне читать вслух, их обычно произносили на бунго. Бунго и кам-бун были единственными общеяпонскими формами существования языка. Типологически их (в первую очередь, бунго) можно сопоставить с такими языками культуры как латынь, церковнославянский или санскрит. Но только в обособленной островной Японии язык культуры обслуживал лишь один этнос. И таких языков было даже два, поскольку камбун отличался от собственно китайского языка культуры (вэньня).

К тому времени значительное количество канго преобразовало систему японского языка. При этом не надо думать, что все канго – заимствования из китайского языка в готовом виде. Такая лексика составляет меньшинство данного слоя. Чтение иероглифа в японском языке, как правило, представляет собой корень (некоторые корни превратились в аффиксы). Эти корни обладают большим словообразовательным потенциалом, и в течение многих веков простым соположением корней создавались и создаются до сих пор новые слова, тесно связанные с их иероглифическим написанием. Большинство канго появились в Японии, нередко они либо неизвестны в Китае, либо заимствованы в китайский язык из японского.

Хотя канго подверглись фонетической адаптации (в частности, по сравнению с китайским языком исчезли тоны, отпало большинство конечно-слоговых согласных), а грамматически стали оформляться по правилам японского синтаксиса, эта адаптация не дошла до такой степени, чтобы они стали фонетически или грамматически неотличимы от ваго. В области фонетики в связи с появлением кан-го в японском языке возникли геминация согласных, их палатализация, конечно-слоговая носовая фонема, долгота гласных, дифтонги. Еще более существенны различия в фонетической структуре корней и аффиксов: эта структура для канго является исключительно жесткой, их общее количество (разумеется, без различия омонимов) крайне невелико: около 800 единиц [Алпатов, Вардуль, Старостин 2000: 102–116]. Не всегда, но очень часто по фонетической структуре слова можно определить, относится ли оно к канго или ваго. Различия сохраняются и в грамматике. Есть грамматические элементы китайского происхождения, хотя их немного. Но важнее то, что в подсистеме канго легко образуются так называемые сцепления – последовательности корней сколь угодно большой длины, часто окказиональные; вопрос о том, считать ли их словосочетаниями или сложными словами, весьма запутан в японистике. По правилам японского синтаксиса сцепления оформляются лишь как единый член предложения. О лингвистических свойствах канго см. [Алпатов 1976; 2002].

Китайское влияние, прежде всего, было лексическим, однако сохранялось и немало исконных слов, а грамматика в основном (исключая сцепления) оставалась японской. Но самые очевидные различия между двумя подсистемами, существующие со средних веков до нашего времени, – это различия жанрово-стилистические, тесно связанные с японской культурой. В большинстве случаев ваго – бытовые, обиходные слова, а канго – слова книжные, свойственные стилям, связанным с культурными сферами, и в большинстве неотделимые от иероглифического написания. В бытовую же речь канго проникали лишь в малой степени. В целом, как отмечают исследователи, при определенных изменениях под влиянием китайского языка японский язык остался самим собой [Stanlaw 2004: 126].

Следует учитывать, что язык – один из немногих действительно исконных компонентов японской культуры. Как известно, в Японию из Китая (прямо или чаще через Корею) пришли и государственное устройство, и буддизм, и многие элементы культуры, считающиеся сейчас у нас и на Западе специфически японскими (от боевых искусств до икебаны и чайной церемонии). Заимствована была иероглифическая письменность, но всё-таки язык остался япон-

ским, да и письменность значительно японизировалась благодаря кане. Этот факт значительно повлиял на языковые воззрения японцев, о чём будет говориться в следующей главе.

В конце XVI в. в Японию начали проникать первые европейцы, в основном португальцы, а также испанцы, распространявшие христианство и западную материальную культуру. Это событие значительно повлияло на японскую языковую культуру в двух отношениях. Во-первых, в Японии впервые осознали существование других языков помимо японского и китайского (ранее благодаря буддизму знали о существовании санскрита, но он влиял на японский язык лишь через китайский, а корейский язык имел влияние на японский в дописьменный период, но позже стал игнорироваться). Португальцы переводили на японский язык христианскую и некоторую другую литературу (например, басни Эзопа). Это были первые в Японии переводы не с китайского языка, не связанные с камбуном [Suzuki N. 2007: 67]. Впервые тогда японцы познакомились и с латинским письмом. Во-вторых, в языке появились первые заимствования из западных языков. Они делились на два класса: торговую и религиозную лексику; торговая лексика (только имена) записывалась иероглифами, а религиозная (включавшая и глаголы, прилагательные: *молиться*, *невинный* и др.) латиницей, поскольку ее надо было строго отделять от ваго и канго [Matsuoka 1993: 138–144].

Но первое знакомство с европейской культурой оказалось непродолжительным. Борьба за централизацию страны и против иноземной экспансии привела к тому, что захватившая власть в начале XVII в. династия военных правителей (сёгунов) Токугава запретила христианство, изгнала европейцев и превратила Японию в закрытую страну. Японцы не могли покидать Японию, а иностранцы (преимущественно голландцы) допускались туда крайне ограниченно, не имея права общаться с японцами. Такая ситуация продолжалась более двух столетий. Христианская лексика исчезла (после разрешения христианства во второй половине XIX в. она создавалась заново), но торговая лексика во многом сохранилась. Пришедшие из португальского слова *pan* 'хлеб', *botan* 'пуговица', *biroodo* 'бархат' живут в японском языке более четырех столетий, и даже название специфически японского блюда *tempura* восходит к португальскому *tempero* 'умеренный'. Заимствование слов из западных языков, более всего из нидерландского, продолжалось и в период закрытой Японии. Это были либо также слова торговой лексики (существующие до сих пор *koohii* 'кофе', *garasu* 'стекло' и др.), либо термины наук, литература по которым допускалась к ввозу в Японию, в частности, медицины. Отмечают, что уже в те годы в Японии выработалась привычка к европейским заимствованиям [Matsuoka 1993: 151].

В культурной области период закрытой Японии стал временем активного развития литературы, искусства и национальной науки. Именно в это время складывалась национальная школа ученых *koku-gaku* (буквально *наука страны*), впервые в японской истории поставившая вопрос о национальной самобытности и исконных элементах культуры японцев. Эти ученые обратились к исконным компонентам культуры, которых оказалось лишь два: синтоизм и язык. В рамках этой школы сформировалась национальная традиция японского языкознания, независимая от китайской традиции; см. об этом [Алпатов, Басс, Фомин 1981]. Ученые того времени игнорировали канго, считая их чуждыми «японскому духу», занимаясь исключительно ваго.

1.3. Эпоха американского и европейского влияния

В 1854 г. вторжение американской военно-морской эскадры прекратило изоляцию Японии, после чего туда стали активно проникать западные товары и идеи. Под влиянием этого в 1867–1868 гг. произошла так называемая *Meiji-ishin*, что у нас переводят или как «революция Мэйдзи», или (буквально) как «реставрация Мэйдзи» (формально переворот выглядел как реставрация императорской власти). Началась эпоха Мэйдзи (1868–1912), названная по имени правившего тогда императора. Был взят курс на развитие капитализма и на освоение европейской культуры. За несколько десятилетий японское общество коренным образом изменилось.

Эти процессы не могли не повлиять и на область языка. Прежние литературные языки, особенно камбун, оказались непригодными для новой ситуации. Нужен был новый, единый и общепонятный язык. Подобные процессы происходили во многих странах: ср. переход от латыни к «вульгарным» языкам в Европе, от церковнославянского языка к русскому литературному в России, от вэньяня к путун-хуа в Китае. Особенностью Японии было, однако, то, что этот процесс был пройден очень быстро, менее чем за половину столетия.

На первом этапе отказались от камбуна: он перестал использоваться в официальной документации, а к концу XIX в., после японо-китайской войны 1894–1895 гг. значительно сократилось его преподавание. Именно тогда традиционное обучение китайской учености окончательно ушло в прошлое [Sanada 2002: 486–487]. Санада Харуко отмечает, что влияние камбуна, проявлявшееся в употреблении канго, еще заметно у писателей, родившихся в 60-е гг. XIX в. (Нацумэ Сосэки, Мори Огай), но исчезает у следующего поколения писателей (Сига Наоя, Акутагава Рюносукэ), уже свободно им не владевших [Sanada 2002: 481]. Обучение камбуну в средней школе сохранилось до наших дней, но им в лучшем случае владеют лишь пассивно, новые тексты не создаются.

Сфера употребления бунго в начале периода Мэйдзи даже расширилась, поскольку на нем стали писать деловые документы, а введение всеобщей системы школьного обучения сделало его общим достоянием. Однако к середине 80-х гг. XIX в. пришло осознание необходимости нового литературного языка на разговорной основе [Gottlieb 2005: 8]. Борьба за такой язык, по функции сходный с уже сложившимися к тому времени европейскими национальными языками, шла и сверху, и снизу. Писатели и языковеды с 80-х гг. XIX в. активно выступали за *gembun-itchi*, то есть за единство разговорного и письменного языка, деятели этого движения создали образцы художественной прозы на новом языке. Подробнее об этом движении см. [Конрад 1954; Конрад 1960]. Но и японская власть к концу века осознала важность данной проблемы. При Министерстве просвещения был в 1902 г. сформирован Совет по изучению японского языка (*Kokugo-choosa-iinkai*), к деятельности которого были привлечены видные лингвисты, в частности, Уэда Кадзутоси (1867–1937), учившийся в Европе и ориентировавшийся на западный опыт [Gottlieb 2005: 55–58]. Новый литературный язык на разговорной основе в противоположность бунго получил наименование *koogo* (буквально 'устный язык'). Первая нормативная грамматика этого языка появилась в 1916 г.

Этот язык постепенно охватил все культурные сферы. Довольно быстро на него перешли художественная проза и появившаяся во второй половине XIX в. пресса, а уже в XX в. – радио. Гораздо сложнее шел переход на него в сфере науки, в поэзии. Устойчивее всего прежний литературный язык (бунго) оставался в сфере деловой письменности. Всю первую половину XX в. бунго «долго и нераздельно властвовал в официальной и деловой сфере, где все писалось по его нормам, начиная с текста закона и кончая квитанцией о приеме белья в прачечную» [Конрад 1954: 26]. Лишь после 1945 г. и здесь началось использование современного литературного языка. Подробнее см. [Конрад 1960; Алпатов 1995].

Специально рассмотрим один частный вопрос языковой культуры. В Европе, даже в самодержавной России тексты, созданные царями и императорами, не считались образцами «хорошего» языка (впрочем, во Франции времен Людовика XIV так рассматривалась разговорная речь короля, но это не относилось к королевским указам). А в Японии вплоть до второй мировой войны во всех школах выучивали наизусть написанный на бунго указ императора Мэйдзи об образовании, установивший всеобщую систему начального школьного обучения.

Причин, как нам кажется, было по крайней мере две. Во-первых, в России монарх (реально обладавший гораздо большей властью, чем японский император) не был сакральной фигурой. Это был «сильный и славный», но человек, и от него нельзя было требовать, например, обязательного литературного таланта. В Японии же до 1945 г. официально принималась концепция божественного происхождения императора, и всё, исходящее от него, по определению считалось высшим.

Другая причина была в разной иерархии жанров. В России, как и в Европе, самыми престижными текстами сначала считались религиозные, потом художественные, а язык официальных документов всегда рассматривался как не очень «высокий», даже если исходил из высших сфер. В Японии же в иерархии жанров выше всего стоял язык официальных текстов, прежде всего, исходящих от императора. Показательно, что их писали на самом престижном из использовавшихся языков. Веками их писали на камбуна, который ценился выше, чем бунго, а после отмены камбуна — на бунго.

Другим процессом, активно развернувшимся начиная с эпохи Мэйдзи, стало освоение западной культуры, частью которого стало влияние на японский язык западных языков, прежде всего английского. Эта проблема сразу приобрела два аспекта, которые в Японии весь последующий период не шли параллельно друг другу: освоение западных языков и заимствования из этих языков в японский.

С 50—60-х гг. XIX в. начался период интенсивной европеизации Японии, сначала большей частью через устное общение с бывавшими там иностранцами, особенно с американцами и англичанами, число которых резко возросло. Такое общение естественно привело к формированию японо-английских пиджинов, распространившихся в Иокогаме и других портовых городах [Stanlaw 2004: 57–59]. До сих пор в японском языке сохранились слова, пришедшие в это время из английского языка устным путем и воспринятые на слух, вроде *purin* 'пудинг' из *pudding* или *mishin* 'швейная машина' из *machine*.

Однако такой вид культурных контактов не стал определяющим, а пиджины к началу XX в. постепенно исчезли. Снова они возродятся, уже на другой основе, в период оккупации для общения американских военных с местным населением (так называемый бамбуковый английский), но и тогда окажутся недолговечными [Stanlaw 2004: 70–72]. Ведущую роль уже в эпоху Мэйдзи, как и позже, стало играть освоение западной книжной культуры, связанное с обучением иностранным языкам в учебных заведениях и письменными заимствованиями.

Существовало разное понимание границ этого освоения, в том числе и в языковой области. Для некоторых деятелей японской культуры европеизация казалась неотделимой от овладения западными языками, в первую очередь английским. В крайнем варианте предлагалось отказаться от японского языка, в более умеренном варианте речь шла о массовом японо-английском двуязычии. До начала XX в. во впервые созданных в Японии университетах западного типа преподавание частично или даже полностью шло на английском языке. Видный государственный деятель эпохи Мэйдзи Мори Аринори всерьез думал о замене японского языка английским и даже переписывался по этому поводу с крупнейшим американским лингвистом тех лет Д. Уитни, который отнесся к таким планам скептически [Stanlaw 2004: 64–65].

Однако на деле не только не реализовались подобные утопии, но не сложилось и массовое двуязычие; иностранные языки, в это время не преподававшиеся в школе и изучавшиеся лишь в вузах, остались достоянием узкого слоя культурной элиты; по мнению Судзуки Такао, их до

1945 г. знали 1–2 % населения [Suzuki 2006: 232]. Победил более естественный для Японии вариант, при котором не происходило резкого обрыва традиций, а заимствованные знания становились составной частью японской культуры. Так это в прошлом произошло с китайскими знаниями, теперь наступил черед натурализации западной культуры, включая языковую культуру. Стояла задача освоить новые понятия, выразив их на японском языке. Для этого существовали два способа: прямое заимствование и калькирование с помощью вновь создаваемых или переосмысливаемых канго.

В период с 60-х гг. XIX в. по 20-е гг. XX в. в японский язык вошло много слов, заимствованных из западных языков, в этот период они стали стандартно именоваться *gairaigo*, буквально 'слова, пришедшие извне', отделяясь и от ваго, и от канго. При этом в Японии осваивалась культура разных стран, а заимствования из того или иного языка отражали престиж соответствующей страны в той или иной области: Франции в моде, Италии в музыке, Германии в философии [Shibata 1993: 19]. Традиция ориентироваться на Германию в медицине сохранялась очень долго, и даже в 70-е гг. XX в. немецкий язык в Японии мог играть роль медицинской латыни (мы видели рецепты на этом языке); естественно, в японском языке в данной сфере много заимствований из него. Среди влиятельных языков был и русский (см. главу 6). Но уже к концу эпохи Мэйдзи 75 % всех гайрайго составляли заимствования из английского языка [Stanlaw 2004: 68]. Так что преобладающее влияние этого языка на японский обозначилось задолго до оккупации. При этом Япония не была ни британской или американской колонией, ни страной, зависимой от Великобритании или США, а мировая роль английского языка тогда еще не была столь значима, как позже. Но Япония уже в конце XIX в. и в первой половине XX в. столкнулась с процессами, которые в наши дни принято называть глобализацией. По выражению Судзуки Такао, во времена Мэйдзи *kangaku* (наука, изучавшая китайские тексты и китайскую культуру) превратилась в *eigaku* (науку об английских текстах и англоязычной культуре) [Suzuki 2006: 230]. Посетивший Японию в 1926 и 1932 гг. советский писатель Б. А. Пильняк замечал, что Япония не европеизируется, а американизируется [Пильняк 1935: 76]. Отличие данного периода от послевоенной эпохи, однако, состояло в том, что заимствования могли приходить в японский язык не только из американского, но и из британского варианта английского языка.

Однако прямое заимствование оказывалось не единственным способом образования новой лексики. С ним, особенно в первые десятилетия европеизации, конкурировало использование уже существующих средств своего языка, то есть создание калек или слов, отражавших новое понятие в своей морфемной структуре. Для этого использовались почти исключительно канго. К этому времени японская культура уже давно обособилась от китайской, и канго использовались в Японии вне какого-либо отношения к Китаю, как органичные элементы своего языка, удобные для образования новой культурной лексики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.